

А 221
528.

ВЕСЕЛЫЕ БУДНИ.

ИНДУ

Веселые будни.

Изъ воспоминаній гимназистки.

Звѣра Махцевичъ.

Съ рисунками А. Н. Зеленскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Девріена.

Молебень. Японка.

Ну, теперь-то я совсѣмъ настоящая гимназистка, даже и платье на мнѣ форменное! т. е. не то, чтобы ужъ очень форменное, потому на немъ есть и складочки, и оборочки, передникъ тоже съ крылышками и кружевомъ обшить, но все же платье на мнѣ коричневое, а передникъ черный. Мнѣ даже кажется, будто я немножко выросла, но это, быть можетъ, только такъ кажется, потому что все таки я самая маленькая въ нашемъ классѣ. Какъ это пріятно сказать—нашъ классъ, наша гимназія!

Мундиръ свой я надѣла первый разъ на молебень, а—представьте себѣ!—были же такія чудачки, которыя въ пестрыхъ платьяхъ явились. Вотъ охота!

Какъ только мы пришли, сама начальница забрала всѣхъ насъ, новенькихъ, и повела въ залъ на молебень. Жарко было страшно. Двѣ или три дѣвочки изъ старшихъ классовъ хлопнулись въ обморокъ, но, говорятъ, это ничего, всегда такъ бываетъ.

Кончили мы молиться, подошла къ намъ синенькая дѣвица и повела по лѣстницѣ на самый верхъ, потому что малыши—приготовишки, мы, шестой и пятый классы—всѣ въ верхнемъ корридорѣ. Оказалось,

это-то и есть наша классная дама. Ну, конечно, сейчас же представилась намъ. Ужасно миленькая: не-большого роста, но толстущка порядочная, личико круг-лое-круглое,—какъ дядя Коля говорить,—циркулемъ обведенное, глаза большіе, каріе, веселые и блестятъ точно мокрая вишни; носюля совсѣмъ коротенькій, верх-няя губа тоже; засмѣется—точно ей все лицо веревоч-кой кверху подтянуть, а зубы большіе, бѣлые, тоже какъ у инспектора на миндаль похожи; сама живая, веселая, такъ и крутится. Дуся!

Вотъ стала она насъ по скамейкамъ разсаживать.

Я еще за молебномъ замѣтила одну ужасно милень-кую дѣвочку, въ темно-синемъ платьѣ, съ двумя длин-ными свѣтлыми косами, мы съ ней рядомъ стояли, а потомъ, пока шли наверхъ, и побесѣдовать немного успѣли; зовутъ ее Юля Бекъ. Мнѣ очень хотѣлось сѣсть съ ней на одну скамейку, да не тутъ-то было—она вы-сокаго роста, и ее на третью загнали, а меня посадили на первую, не совсѣмъ впередъ, а во второй колоннѣ отъ учительскаго стола. Мѣсто то чудное, ворчать не-чего, но если бы вы только знали, кого со мной поса-дили!

Ее я тоже раньше замѣтила, и мудроно проглядѣть: ~~смотрю~~—японка, ну, право японка, и фасонъ лица та-кой, и глаза немного кверху.—Фу! Правда, она доволь-но бѣленькая и у нея чудная толстая каштановая коса ниже пояса, но все-жъ она японка. И вдругъ—меня, именно меня, съ ней сажаютъ! Я чуть не заплакала со злости.

Ничего не подѣлаешь, сидимъ рядомъ, но я нароч-но съ ней ни слова, будто ея и не существуетъ. Вотъ еще, можетъ ея дядя, или братья нашихъ русскихъ

Ну, теперь то я совсѣмъ гимназистка.

убивали, а я съ ней разговаривать стану! И зачѣмъ ее только въ нашу гимназію приняли?

Отвернулась. А все таки интересно. Стала я сперва такъ вкось на нее поглядывать, а потомъ не выдержала, поворотилась совсѣмъ: вѣдь вмѣстѣ сидѣть будемъ, поневолѣ придется въ концѣ концовъ познакомиться.

Пока я обо всемъ этомъ раздумывала, классная дама ходила отъ одной скамейки къ другой и у каждой дѣвочки спрашивала, какъ зовутъ, фамилію и кто такая, православная или нѣтъ. Добралась и до насъ. Я сказала. Потомъ японку спрашиваетъ:

— Какъ ваша фамилія?

— Снѣжина.

— А имя?

— Люба.

— Вы православная?

— Да.

Вотъ тебѣ и фунтъ!.... т. е..... pardon, я хотѣла сказать: вотъ такъ штука, вотъ тебѣ и „японка“!

Я ужасно обрадовалась, что ошиблась, теперь можно будетъ подружиться съ ней. Сейчасъ, конечно, и разговаривались. А вѣдь она совсѣмъ миленькая, особенно когда говоритъ или улыбается, такъ потѣшно ротъ бантикомъ складываетъ, и веселая, хохотушка, такъ и заливается.

Въ этотъ день насъ недолго въ гимназіи продержали, велѣли только записать, какія книги и тетради купить надо, а потомъ распустили по домамъ.

Мы, сколько могли, поболтали съ Любой, но въ какіе нибудь полчаса, много ли успѣешь? Ничего, мы свое наверстаемъ, потому вѣдь я ой-ой какъ люблю

поговорить, да и „японка“ моя, видно, по этой части тоже не промахъ.

Послѣ обѣда мы съ мамочкою отправились за всѣмъ нужнымъ. Купили книги, тетради, и ранецъ;—это было самое интересное! Мамочка хотѣла сумку, но тутъ я и руками и ногами замахала. Подумайте только: если купить сумку, то ее за мной горничная будетъ носить,—ужасно нужно!—тогда какъ ранецъ я сама на плечи нацѣплю; всякій издали увидитъ, что гимназистка идетъ.

Купили мы тоже цѣлую массу бѣлой бумаги для обертки тетрадей, кляксапиру и ленточекъ. Конечно, кляксапиръ не обыкновенный розовый, какъ во всякой тетради даромъ даютъ,—фи! нѣтъ, у меня они двухъ цвѣтовъ: чудные свѣтло-сиреневые и къ нимъ пунцовыя ленточки, а другіе свѣтло-желтые съ нѣжно-голубыми лентами. Развѣ плохой вкусъ? Совсѣмъ bon genre, даже мамуса одобрила.

Мой милѣйшій двоюродный братецъ Володя смѣется, конечно, говорить „бабство“; да что съ мальчишки взять?—пусть болтаетъ, а все таки красиво, и навѣрно во всемъ классѣ больше ни у кого такихъ тетрадей не будетъ. Только бы кляксъ слишкомъ много не насаживать, это ужъ вовсе не bon genre выйдетъ.

Наши учительницы.

Ну, теперь я, кажется, всякій уголокъ и закоулокъ у насъ въ гимназіи знаю, все облетѣла и посмотрѣла.

Въ самомъ низу одинъ только I, выпускной классъ, квартира начальницы, докторская, дамская и еще ка-